А. Ш.
א״ש

ЗАПИСКИ СИОНИСТА

ПАРИЖ
1926

А. Ш.
א״ש

ЗАПИСКИ СИОНИСТА

ПАРИЖ
1926

Imp. d'Art Voltaire (O. Zeluk, Dir.), 4, Pass. Alexandrine, Paris — 4321

Я с семьей у границы в ожидании возможности перехода границы и дальнейшего движения в родную страну. Легально переехать границу невозможно. Приходится ждать случая. Проходят дни, недели, а случая этого нет. Невольное безделие. Время тянется без конца и невольно встают в памяти переживания многих лет, борьбы за идею, за цель жизни, за то, что мы считали спасением нашего народа, а наши противники его гибелью.

В чем наши разногласия?

Речь идет о возрождении нашего народа на земле его предков.

И эта простая формула вызывает целый ряд вопросов, которые в течении вот уже многих десятков лет волнуют как еврейское общество, так и окружающие нас народы .

Первый вопрос, самый, пожалуй, странный, и вместе с тем самый основной, это — составляют - ли евреи нацию или нет.

Вокруг этого вопроса велись и ведутся до сих пор самые горячие споры. От него восходят к другому более общему вопросу: что такое нация вообще, какие признаки ее опре-

деляют? Далее, если речь идет о возрождении еврейского народа, то спрашивается, жив - ли еще еврейский народ, возможно - ли его возрождение, а если возможно, то где: в диаспоре или где нибудь на отдельной территории и где нужно искать эту территорию, в Африке, Америке или Палестине. Если в Палестине, то сохранил - ли еврейский народ права на Палестину, не составляет - ли возрождение еврейского народа на родной его земле покушение на священные права арабов, аннексию в своем роде.

В среде самих сионистов, где все вышеуказанные вопросы вырешены более или менее, существует целый ряд разногласий в смысле обоснования самаго сионистского движения. Обязательно - ли растворение евреев в среде окружающих народов (Рупин, Клячкин, и др.), или же наоборот, оно невозможно (Пинскер, Герцль и др.). Возможно - ли, при известном напряжении сил, сохранение еврейского народа в диаспоре (Дубнов, Кауфман и др.) или же нет.

Словом, имеется целая масса вопросов, отчасти самостоятельных, отчасти вытекающих один из другого, связанных с волнующим еврейское общество вопросами о ближайших судьбах народа.

По существу все эти вопросы являются очень плохими симптомами. Никто не станет определять в здоровом организме, здоров ли он или нет. Если подходят к человеку, начи-

нают щупать его пульс, значит, чего - то не хватает. И вот определение этого «чего - то», определение болезни, ее причин, излечимости или неизлечимости и способов ея излечения, если таковое возможно, — в этом и заключается суть выше поставленных вопросов.

Чтобы определить болезненное, патологическое состояние, необходимо знать норму, физиологическое состояние Чтобы определить, чего не хватает еврейскому народу, надо установить основные признаки здоровой нации, так сказать, физиологию национальнаго организма Но тут - то, в этом исходном пункте, между исследователями существует целый ряд кардинальных разногласий. Ренан, Отто Бауэр, Нордау, Шпрингер и др. — все определяют нацию по разному, и в конце концов, ясного, всем понятного определения нации для нас нет.

Мне кажется, что здесь повторяется то - же самое явление, которое мы наблюдаем в биологии вобще.

Едва - ли можно себе представить такое описание какого - нибудь вида животного или растительного мира, под которое подходили - бы совершенно точно не только все индивидуальные организмы даннаго вида, но и все его разновидности в разных долготах и широтах, при разных условиях климата, питания и др., не говоря уже об изменениях вида во времени.

Нация — это своего рода индивидуум, правда, коллективный, и если человечество принять за вид, то нация есть разновидность этого вида, причем, как все в мире, вечно меняется в зависимости от различных условий, материальных, главным образом, но также в отличие от всего животного мира, и культурных.

Существующая в данный момент нация не есть законченный индивидуум, она всегда находится в процессе творения, и разные нации в данное историческое время переживают разные стадии этого процесса.

Вот почему, мне думается, и невозможно дать точного и ясного определения нации, если исходить только из статики вопроса. Чрезвычайное разнообразие национальных разновидностей на земном шаре, их различный возраст, различная сила роста в данный момент — дают такой калейдоскоп, въ котором разобраться, если и возможно, то с очень большим трудом.

Если еще принять во внимание взаимное перекрещивание, биологическое и культурное, и неизбежное приспособление индивидуумов одной национальности к другой при современных условиях жизни, то понятно, что это определение с течением времени становится все более и более трудным, и разногласия тут совершенно неизбежны.

Несколько легче изучить динамику на-

ционального организма, шаг за шагом устанавливая наростающие и убывающие признаки и определяя, какие из этих признаков наиболее характерны в **данном периоде исторического роста, при условиях существования нации.**

Если взять первую пару и изучать по мере роста этой семьи переход ее в род, в клан, в общину, образование в этой общине разных культурных и социальных группировок и т. д., тогда мы поймем, что нация в основе своей есть понятие биологическое, и что **общность происхождения есть один из самых основных ея признаков.** Правда, здесь необходимо сделать оговорку. На человеческом коллективном организме, как и на растительном, нередко в ходе исторического процесса делаются прививки от посторонних организмов, и эти прививки так хорошо и полно прирастают, что отделить их от коренного организма и даже отличить их нет возможности. Отсюда следует, что под понятием «общность происхождения» разумеется не прямое генеалогическое происхождение, а постепенно сращиваемое дерево во всем ходе его біологического роста.

По мере удаления от корня кровное родство сглаживается и для скрепления племенной связи на сцену выдвигается мифическая личность, как общий предок и как символ этого родства, личность, которая является

воплощением тех нравственных идеалов, душевных и физических качеств, которые данное племя выработало в процессе своей исторической жизни.

По мере дальнейшего расширения племени и перехода его от пастушеской, охотничьей или рыболовной жизни к оседлой, земледельческой, — племя начинает вырабатывать новые определяющие его признаки в двух взаимно противоположных направлениях.

С одной стороны признаки об'единяющие центростремительные: общий язык, общую религию и мораль, сознание общности территории.

Язык, как средство общения между людьми, то, что Нордау считает наиболее важным признаком нации, явление самое древнее, почти первобытное, ибо он сопутствует самому раннему зарождению первой ячейки будущего племени, первой семьи. Несколько позже появляются **общерелигиозные воззрения,** сначала в форме почитания предков, потом в форме обоготворения сил природы, олицетворения животных и т. д.

А еще позже появляется **общая мораль** и правила общежития, когда жизнь данного племени начинает дифференцироваться, когда воля единодержавного родоначальника перестает быть непререкаемой руководительницей поведения и на ее место ставится воля

коллектива или вернее наиболее сильной группы этого коллектива.

Одновременно с этими об'единяющими нацию признаками начинают вырисовываться и другие, центробежные. Увеличение числа членов коллектива знаменует появление многобразия интересов, сначала личных, потом и групповых. Религиозный культ выдвигает духовную касту, как хранительницу преданий племени и его опыта в общении с потусторонними силами в разных случаях жизни. Ограничение территории требует выделения военной касты отчасти для защиты границ от нападения соседей, а чаще для нападения на этих соседей. В дальнейшем, по мере усложнения жизни, выдвигаются и другия группы. Словом, прежнего единства племени нет, начинается раскол по признаку частных интересов.

С другой стороны, расширение территории и разселение членов племени по окраинам, вызывает соприкосновение с соседними иноплеменными человеческими массами, то враждебными, то дружественными, но во всяком случае другого происхождеия, других воззрений на жизнь, других религий и морали, другого языка.

Начинается взаимное влияние соседних окраинных частей разных племен, отчасти культурное, отчасти биологическое, и с течением времени нарождается новая группа

индивидуумов, непохожих на первоначальный источник. Так русские люди дунайских плавней (Кориленко), кубанские линейные казаки (Толстого) и, скажем, пензенский и или тульский мужик составляют такие заметно расходящиеся типы, что, если не помешают другие условия, они несомненно послужат началом новых разновидностей человеческих, а в отдаленном будущем и новых наций. Так ведь на нашей исторической памяти разошлись из одного общего корня столь враждующие ныне между собою французы и немцы.

Так племя растет, неся в своем организме элементы об'единения и раз'единения, элементы здорового роста и разрушения, пока по мере дальнейшего исторического развития оно не начнет вырабатывать новую об'единяющую силу. Сила эта — национальная культура. Это и есть начало зарождения **нации** в собственном смысле слова, момент перехода из зыбкого состояния племенной связи в более прочное состояние национального организма. Чем дальше, тем больше духовный момент начинает приобретать все большую и большую ценность и чем шире и глубже духовная культура проникает в среду масс, тем более эти массы научаются ценить и защищать эту культуру, тем более она делается частью самого «Я» нации, ее почвой и атмосферой.

На этой стадии развития, территория, язык, религиозно - обрядовая система, — чрезвычайно важные признаки племенного коллектива на первых ступенях его роста, начинаютъ понемногу терять свою определяющую важность. Так пророки громят своих соплеменников за излишнюю переоценку религиозных обрядов, ничего не стоящих в сравнении с той высшей общечеловеческой культурой, носителями которой являются они, пророки. Так Бог еврейский, этот „אל קנאוניקם“ первых периодов еврейской истории, не выносивший одного упоминания об иноплеменниках, становится чрезвычайно покладистым в эпоху танаитов и начинает принимать молитвы на всех языках:

„שמע—בכל לשון שאתה שומע“

говорит Талмуд. К этой эпохе уже не было крайней необходимости ни в единстве языка, ни в об'единяющей силе религиозной обрядности, а впоследствии и в единстве территории, ибо налицо оказался монолит, крепкий фундамент которого заложен мировым гением Мойсея, корпус выкован огненным молотом пророков, а крыша сведена тонким резцом соферов и танаитов.

Так в ходе исторического развития из биологически единого корня создается биологически - культурный человеческий коллектив — нация.

Если животные и растительные разновид-

ности различаются только по своим анатомо-физиологическим признакам, то человек, это говорящее и мыслящее животное, вносит новые признаки, культурно - исторические.

Итак, что такое нация?

Нация есть разновидность человечества, биологически родственная, которая, подчиняясь всем законам наследственности с одной стороны и внешним влиянием с другой, формирует из себя с течением времени крепкую культурно - биологическую единицу.

На различных ступенях своего роста эта разновидность определяется различными признаками, и эти признаки в данный исторический момент являются важными, определяющими, но теряют свое значение при появлении новых более важных признаков.

В ту эпоху, когда культурная особь еще не окристаллизовалась, территория, язык и религия составляют наиболее важные внешние признаки нации, и без них она обходиться не может, без них она осуждена на распыление. Даже больше. В этой стадии своего роста нация, даже обладающая этими признаками, не достаточно защищена не только от исторических бурь, но и от обычных движений исторического ветра.

Территория от'емлема, язык и религия изменяемы и подвержены чужому влиянию. Так растворились все древние народы передней Азии, так погибло безвозвратно десяти-

коленное израильское царство, не успевшее сцементироваться в крепкую культурную особь.

Но пала ведь и Греция, оставившая миру свою великую литературу, творения гениального резца, храмы, музеи, пал великий Рим с его культурой железа и крови, с его гражданским кодексом, Рим, создавший мировую Империю, но подгнивший в своих основаниях.

Первая, сделавшая было, в лице Сократа, попытку подняться к небесам, к высшим идеалам, созданная здесь на земле царства Божия, упала вскоре до софистов и погибла в этом грязном болоте. Второй, железный Рим, не создал, да и не стремился создать мирного и справедливого человеческого общежития на земле и так и погиб в море пролитой им крови.

Только прочно цементированная нация, успевшая выработать крепкую культурную общность на здоровом обще - человеческом фундаменте социальной справедливости может уже не бояться за свое существование.

Так сохранилась маленькая иудейская нация, Иудея пророков, вне территории, еще дома молившаяся и писавшая на чужих языках, без храма, но за то бредившая о том золотом веке, который не был, как у Овидия, в начале времен, а будет в конце времен, в «великий Божий день».

Менее культурно сцементированные народы при условии хотя-бы постоянного сохранения прежних своих национальных об'единяющих признаков, но переживших уже период своего полузыбучего состояния, могут оживать после долгого летаргического сна к новой культурной жизни, к новому культурному творчеству. Так ожила Болгария после полутысячелетнего турецкого ига, так пробудились на наших глазах разные культурные народности средней Европы (см. Отто Бауэр: О пробуждающихся, казавшихся умершими, народностях).

Еврейский народ, сумевший и успевший создать великую мировую культуру, основами которой живет теперь большая часть человечества, может с этой точки зрения не бояться растворения.

Значит-ли это, что он нерастворим абсолютно? Отнюдь, нет.

Законы биологии для него так-же обязательны, как для и всего живого. Территория его расселения (а она громадна), всегда подвержена влияниям окружающих наций, и чем сила центростремительная будет становиться меньше, тем опасность отрыва элементов от нации сильнее.

Правда, особенно огорчаться этими отрывами нечего, это не растворение. Отпадает национально слабое, укрепляется национально сильное. Так «молот, дробя стекло, кует

булат». Тем не менее, жизненным вопросом данного момента для нас является создание такой среды — культурной, экономической и общественной, — которая - бы не требовала вечного напряжения национальной энергии, вечного стояния под ружьем для защиты своей национальной жизни.

II.

Рассмотрим теперь те болезни, которые гнездятся внутри еврейского народа и вызывают у некоторых опасение за самое существование нации, и те внешние силы, которые на него действуют в течение почти двух тысяч лет..

В последние периоды второго храма, многие, предвидевшие близкое падение Государства и задумывавшиеся над будущими судьбами своего народа, разно решали этот вопрос. Эти решения не всегда были строго формулированными, не выливались в форму строго определенных программ, часто бывали инстинктивными, почти стихiйными, но внутренний смысл этих течений от этого не теряет своей определенности, своей исторической ценности.

Назарет и Явна — вот два решения еврейского вопроса тех времен.

Иисус, утверждая, что он пришел не разрушать Моисеев Закон, а укреплять его, в то-же

время обещал, разрушив земной храм, тотчас - же восстановить его (небесный). Практическое об'яснение этим загадочным обещаниям дал пылкий и экспансивный апостол Павел. Он понес святое учение народам земли, дабы там выростить святое дерево, семя которого столь заботливо и любовно вылеляно народами иудейскими в тиши его святой земли. Раз семя созрело и дало росток, земля и народ, его посеявшие и выростившие, теряют значение, вся земля для него открыта.

Мы имеем здесь несомненно, начало учения о «Миссии» еврейского народа, о том, что с созданием религии «единственно истинной» творческая роль народа кончилась, начинается его роль миссионерская, роль распространителя света истины среди народов земли.

Много - ли дало это течение с его лозунгами «будьте, как птицы небесные» миру, особенно, когда оно довольно скоро стало вырождаться под греко - римским влиянием и превратилось в слегка подкрашенное язычество, это другой вопрос, но по отношению к еврейскому национальному творчеству, к стремлению создать Царство Божие на земле с его неистребимым упорным лозунгом "וחיבהם„ эта «миссия», сыграла, конечно, роль глубоко отрицательную. Она никого не просветила, но еврейский народ она стремилась уничтожить. Инстинктивной, бессознательной

предпосылкой этой миссии была потеря веры в еврейский народ, в его жизненные творческие силы.

Другое течение, более распространенное в те времена среди иудеев, полагало, что еврейский народ еще не сказал своего последнего слова, что те истины, до которых еврейский народ дошел, требуют дальнейшего развития и углубления, что еврейский народ может и должен возложить на свои плечи эту творческую работу. В случае падения храма видимого, — а его разумные люди не могли не предвидеть, — необходимо создать храм духовный, необходимо создать в душе каждого иудея собственный храм, который не боялся - бы римских таранов и осадных машин. Явнэ было реальным выражением этого течения. Над постройкой этого храма трудились десятки поколений. Это течение, своей тоже, может быть, бессознательной предпосылкой, имело непоколебимую веру в жизненные силы народа, в его неисчерпаемую творческую энергию.

После разрушения храма и рассеяния народа, национальное бытие, хранителем которого было политическое единство, распылилось. Из одного общего центра оно распределилось по отдельным членам народа. Как бы оно ни было укреплено изнутри, оно извне подвергалось необычайным опасностям. Центробежное явление окружающего инород-

ного мира получило возможность действовать не на народ, сильный своей массой и политическим единством, а на каждого отдельного иудея. Правда, окружающий мир в сравнении с только что пережившим героическую борьбу иудейским народом был духовно слаб и в то время переживал старческое вырождение, но численно был громаден.

К тому же и экономический переворот в жизни иудейского народа мог только способствовать его растворению.

Уже в первые века рассеяния основное ядро народа, наиболее в бытовом отношени крепкое, позвоночный столб нации, его земледельческий класс, был сорван политической бурей с родных полей, вынужден был блуждать по огромному римскому государству, искать себе пристанища и в поисках за куском хлеба приспособляться к окружающим условіям.

Бывший земледелец превращался в торговца и с течением времени обезземеленный, рассеянный иудейский народ превратился в народ торговцев. Не мало еврейских отдельных личностей, вероятно, погибло национально в эту злосчастную эпоху своей истории, и только выработанная веками сила сцепления влекла евреев к концентрации, а наступившая вскоре мрачная эпоха европейской истории — средние века — завершила эту концентрацию извне, заперев остатки еврейского народа в

стенах гетто и создав таким образом, своеобразную национальную территорию, своеобразный центр рассеенному народу.

Чем более сгущался мрак вне гетто, тем более отвердевал цемент, скрепляющий внутреннюю жизнь гетто, и еврейское национальное единство крепло с каждым веком. Внутри народ находил все, извне ему брать было нечего. Насилия, преследования не только не могли раздробить еврейского народа, но все более и более закаляли его.

Не здесь, конечно, место подробно излагать историю духовного вырождения гетто и одновременного духовного просветления и возрождения окружающего гетто мира. Внутри гетто не последнюю роль в этом деле сыграли тупые эпигоны национальных работников первых веков после разрушения храма. Обряд, как средство, превратился в их руках в цель и даже в единственную цель. Обряд убивал живую душу жизни и наконец душу самой религии. Жизнь гетто понемногу превращалась в окаменелость, и стали, как законная реакция, появляться «мечтатели гетто». Вне гетто уже в XVI веке темное европейское небо стали прорезывать первые лучи восходящего солнца. Культурная сила извне начинает все более и более наростать и все сильнее напирать на замкнутое в стенах гетто еврейство.

Вне гетто становилось все свежее, а внутри все более и более душно.

Эти два течения, шедшие друг другу навстречу в деле ослабления еврейского национального единства, ко времени великой французской революции слились. И рухнули стены гетто, рухнули не только внешне видимые стены, но и внутренние духовные. У еврейского народа снова исчезла из под ног национальная территория, правда, искусственная, на которой он много веков крепко стоял.

Получилось новое рассеяние.

Внутренне первое и второе лишение территории были, конечно, совершенно различны. Кровавый Рим наступил своей железной пятой на шею свободного иудейского народа, а культурная Европа 18-го века, напротив, освободила этот народ из тюрьмы, но результаты в смысле влияния на внутреннее национальное сцепление были очень сходны.

С пылом освобожденного из мрачной вековой тюрьмы, еврейство бросилось в об'ятия освободивших его европейских наций, вздохнуло полной грудью и стало торопясь наверстывать потерянное время.

Было - ли тут сознательно приятие «рабства в свободе»? Конечно, нет. Это было радостное увлечение открывшейся для еврейства возможностью свободно развиваться в атмосфере всеобщей свободы. Не о «потерянном рае» могло вздыхать освобожденное ев-

рейство, не об укреплении «национальных устоев», выражавшихся для них в лице мрачных раввинов гетто, могло оно думать; его ослепили открывшиеся широкие горизонты и оно сознательно приняло данную ему свободу, не почувствовав в ней того зерна рабства, которое потом в ней оказалось.

Падение стен гетто и начавшийся вместе с ним буржуазный период европейской истории, открывал еврейству и широкие экономические возможности. Окрепший и развившийся еще в средние века еврейский торгово - промышленный гений получил полный простор.

Вскоре обнаружились последствия эмансипации, которых, вероятно, не предвидели и, может быть, не могли предвидеть деятели и современники разрушения гетто.

Быстрый рост еврейской буржуазии в начале XIX века и одновременно европейски-еврейской интеллигенции шел рядом с огромной волной крещений, образованием всякого рода «туземцев - евреев Моисеева Закона» и возрождением древнего антинационального учения о завершении творческой роли еврейства и о «Миссии» еврейского народа в смысле «несения света и истины» народам земли.

Эта вторичная потеря территории снова распылила нацию, расчленила ее на отдельные личности, из которых каждая в отдельности обнажена для внешних влияний. В ней, в этой личности, веками наследственно

скоплена огромная центростремительная сила еврейского национального бытия, но на нее же обрушиваются удары громадного окружающего мира, значительно более культурного, чем во времена Назарета и Явны, полным сил, не вырождающегося, как в те древние времена, а возрождающегося, не заканчивающего эпоху, как это было во время падения греко - римского мира, а начинающего новую бурную эпоху европейского буржуазного строительства.

Печальная память о последних веках окаменелого гетто с одной стороны, ослепительный блеск оживающей европейской культуры с другой, должен был естественно наводить на мысль, что еврейству больше творить нечего, что его творческая роль закончена, надо возможно скорее приобщиться к общему творчеству человечества внеся в него, пожалуй, и результаты своего «бывшего» творчества, а для этого надо собрать, разработать все то, что сделано еврейством, чтобы внести этот накопленный капитал в общую сокровищницу человечества, но творить отдельно новые ценности и незачем, и нечего. Еврейство, как таковое, как суб'ект творчества, кончило свою роль, осталось только, как об'ект изучения. И целый ряд ученых трудится над созданием так называемой «еврейской науки», в которой, несмотря на всю ея глубину, нет жизни.

Если апостолы древней «миссии» глубоко верили в свою истину, если они, не веря в свой народ, были переполнены верой в красоту и божественность «учения», то новейшие апостолы «еврейской науки» даже и этой веры не имели. Они, пожалуй, любили свою «науку», но веры в единоспасающую силу своей «науки» у них, конечно, не было, да и не могло быть. Это есть нечто законченное, археологически - ценное, есть чем щегольнуть перед окружающим миром, но и только. Тут нет места для веры, для всесжигающего, но и все согревающего огня. Дух эпохи сказался. Нарождалась буржуазия и ея идеал — капитал, а этот новый Бог капиталистического мира интернационален. Перед ним поистине «несть ни эллин, ни иудей». И отступил прежде всего «иудей». Еврейской буржуазии было в высшей степени важно не отделяться от мировой буржуазии, и она делала все, чтобы стереть малейшие следы бывшего гетто. Первой жертвой этого течения пала религия. Даже выдающиеся люди, как Гейне, работавший в молодости на поприще «еврейской науки», отходят от еврейства, ибо.... это прежде всего выгоднее, а потом и шире, интереснее. В дальнейшем реформированная синагога с ее органами и скучными проповедями вычеркивает и выбрасывает за борт все, напоминающее древние национальные ценности. Для биржи ведь это не нужно, а вместе с

тем это приближает к окружающему миру. Задача ведь была очень проста: изнутри подготовить еврейскую массу к растворению, к национальному обезличению, а во вне подготовлять окружающие и национальные массы к восприятию, к поглощению саморастворяющейся еврейской массы.

Все шло гладко, все как будто обещало скорое разрешение злосчастного еврейского вопроса, и вдруг в той самой Германии, которая служила колыбелью ассимиляции, грянул гром, и старый Ауэрбах, всю жизнь отдавший просвещению германского народа и одновременно столь любивший и свой народ, в ужасе останавливается пред страшным крахом всей своей жизненной работы.

С разбегу еврейская ассимиляция не удосужилась посмотреть, как встречает ее великий народ, в об'ятия которого она так доверчиво и любовно бросилась.

Таковы были результаты колоссального опыта растворения еврейского народа предпринятого верхними слоями народа, его новорожденной буржуазией и интеллигенцией.

Не менее тяжелое разочарование последовало и на левом фланге еврейской ассимиляции.

В средине XIX века в Европе стало намечаться движение 4-го сословия, движение пролетарское. На мировую арену выступила новая сила, которая все более и более крепла,

все более и более выдвигалась на авансцену мировой истории. Начиная с 60-х годов европейский рабочий класс начинает организовываться, концентрировать свои силы для борьбы с захватившей мир буржуазией. После небольшой остановки в 70-х годах, Второй Интернационал выступает значительно более организованным и сплоченным, чем I-й, а вскоре в этом движении начинает намечаться и значительная еврейская струя, главным образом в пределах России, Польши и Галиции.

Надо отметить, что Еврейский Бунд, вышедший из недр еврейских нисших слоев, национально более крепких, не бросается сразу без оглядки в об'ятия инонациональных пролетарских масс, в отличие от еврейской буржуазии начала XIX века он делает попытку проявить свое национальное « я ».

На Брюссельском с'езде Р.С.Д.Р.П. Бунд пытается заявить себя, как отдельную национальную организацию, но тут - же получает отпор. Русская социал - демократия указывает Бунду его место и свое отношение к нему. Как работников, как нераздельную часть русской организации с'езд принимает и евреев; как отдельную национальную единицу — нет. Пролетариат — передовая часть человечества, но не настолько, чтобы и евреев признавать за нацию!

Незадолго до этого еврейский пролета-

риат получает удар и в другом месте, удар, еще более показательный. Брюннский Партейтаг австрийской социал - демократии 1899-го года санкционирует национальную автономию внутри партии, но категорически отказывает в признании еврейской национальной организации.

Русско - еврейский пролетариат не долго выдерживает свое «блестящее одиночество». В Стокгольме он идет в Каноссу, примиряется с своим положением части русской национальной организации,. За права числиться в рядах мирового пролетариата продает свое первородство, свое национальное «я». С этих пор Бунд катится по наклонной плоскости, пока не докатился до Комбунда с его ролью услужливого лакея при Р. К. П.

Каков будет результат новой ассимиляционной волны на левом фланге еврейской нации, предвидеть не трудно. Ее ждет та - же судьба, что и буржуазный опыт XIX века; это не может подлежать никакому сомнению для всякого, умеющего видеть дальше сегодняшнего дня. В этом вихре масса отдельных личностей отойдет от еврейской нации, но в смысле полного растворения нации и это движение не даст желанных для его творцов результатов.

Таковы опыты на флангах нации. Центр еврейской нации, мелко - буржуазный в огромном своем большинстве, стоит в стороне

от этих опытов. Какова его судьба? Национально он крепок. Все разговоры о падении религиозного чувства в массах и вытекающей из этого опасности растворения вряд - ли на чем - нибудь основаны. Не одной религией держался еврейский народ. Культура народа — это комплекс целого ряда явлений, не укладывающихся в одном слове: «религия». Народ, переживший в течении многих тысяч лет столь много радостей и столь много горя совместно, передающий свое физическое одушевление и душевное наследство напротяжении многих тысяч поколений, не гибнет с исчезновением хотя - бы и всех религиозных обрядов. Падение храма, бывшего не только религиозным, но и политическим центром нации, не довела-же к гибели народа. Это несомненно, страхи, ни начем не основанные, страхи религиозных людей, которым кажется, что все рухнет, как только исчезнет то, что им кажется самым важным, самым основным. Это психология помещика в Чеховском «Вишневом саду».

Культурно еврейский народ в его массах в настоящее время нерастворим отчасти в силу своей собственной личности, отчасти вследствие неприемлемости такого непереваримого блюда для окружающего мира. Совершенно иначе обстоит дело, если мы перейдем к экономическому положению еврейского народа.

Раньше было уже указано, что со второй половины прошлого века на мировую сцену начинает выступать новая сила в лице борющегося пролетариата. Вольный труд — его лозунг, полный продукт — его требование. Эта новая сила делает быстрые и огромные успехи, и не надо быть пророком, чтобы предсказать полную победу пролетариата в более или менее отдаленном будущем, а затем и полное исчезновение классов и классовой борьбы.

Каково будет положение еврейского народа в этом новом мире?

Не может целый народ в обществе, которое сделается сплошь трудовым, остаться сплошь торговым.

А теперь? Торговля и ремесло — главные занятия еврейских масс — наименее располагают к внутренней цельности и самостоятельности. Торговец и ремесленник обязаны приспособляться к вкусам и требованиям его клиентуры, ее язык — его язык, ее нравы — его нравы. Это не земледелец, который может да всегда и бывает целостен и крепок.

Следовательно, теперешнее мелко - буржуазное состояние еврейского народа грозит ему пока в национальном отношении, как сила центробежная, растворяющая, а в будущем — в отношении социальном.

Если резюмировать все изложенное, мы получим следующие положения:

1) Еврейская нация в настоящее время нерастворима в своем целом отчасти по внутренним, отчасти по внешним причинам.

2) Центробежная сила чрезвычайно сильна и делает много опустошений в среде еврейского народа.

3) Падение религиозного чувства, неизбежное в силу общих причин, не представляет большой опасности для целости еврейской нации.

4) Гораздо важнее и в национальном, и в социальном отношении неустойчивое экономическое положение евреев в их массе и незначительное количество строго производительных элементов в нации.

III.

Девятнадцатый век — не только век пара и электричества, век огромного роста техники, но и век великих идей, век широких культурных приобретений.

Еще задолго до Великой французской революции началась борьба против авторитетов средних веков, церкви и государства. Гений царил всеобщий, все было поглощено: в духовной жизни личности — церковью, в политической — государством, в экономической — феодалами. Земледелец был порабощен, купцу нельзя было развернуться, мыслещему человеку нельзя было говорить.

«Право человека и гражданина» на свободное распоряжение собою, личная свобода — таков был лозунг века. Под этим знамением боролись деятели 18-го века, боролись и победили.

Личность была освобождена во всех своих проявлениях. Власть церкви и государства была сломлена и рухнула вместе с падением стен грозной Бастилии. В экономической жизни царство феодалов и цеховых мастеров кончилось, наступила эра вольного наемного труда, на рынок была выброшена новая ценность — человеческая сила, которая стала там свободно обращаться наравне с прочими товарами.

Среди шума революции, в столкновении разных течений уже стали намечаться два направления, получившие огромное развитие в дальнейшем движении европейской мысли, социалистическое с одной стороны и национальное — с другой. Первое, провозвестником которого был Бабеф и его сторонники, как не имевшее почвы в производственных условиях того времени, вскоре было подавлено; второе получило дальнейшее развитие.

Понятие «Нация» было выдвинуто, как противовес королевской власти, как новый сюверен, имеющий все права располагать своими судьбами по своему усмотрению. Под словом «нация» разумелось тогда не биологическое образование, а политическое, истори-

чески сложившееся государство. Говорили о французской нации, как об исторически соединенном конгломерате личностей, составлявшем французское королевство. Признаніе, например, за жившими на французской территории прав гражданства обозначалось тогда, как принятие их в лоно французской нации.

Но важно уже и то, что впервые в истории человеческой мысли появилось представление о коллективе, имеющем право распоряжаться своими судьбами. Оставалось дальнейшей работе научной и политической мысли разобраться в этом новом понятии, отграничить его, дать ему определенное содержание.

Практика жизни вскоре использовала это идейное течение и от свободы индивидуальной личности перешла к свободе коллективной, национальной личности. Уже в начале 19 - го века на другом конце Европы поднимается греческое освободительное движение, певцом которого является величайший поэт эпохи и борец за свободу народов — Байрон. После длительной героической борьбы цель достигнута, и возрождается первый национальный организм после долгого анабиоза, казавшегося смертью. Знаменательно, что тот - же борец за свободу Греции чуть ли не первый в Европе отдал великие силы своей божественной лиры на изображение трагической судьбы другого народа древности — еврейского.

«Тебе, Израиль, остались одни лишь

могилы», плакала лира Байрона над судьбой древнего народа - мученика. Не мог еще Байрон подняться до видения пророка Иезекииля. Он видел поле, усеенное сухими костями, но дух Божий тогда еще не витал над этим мертвым полем, по крайней мере настолько, чтобы его мог заметить хотя и вдохновенный, но все - таки посторонний глаз.

За Грецией последовали другие мелкие и крупные народы. После пронесшегося над Европой Наполеоновского урагана стремление к возрождению казавшихся умершими наций и об'единению раздробленных народностей уже не прекращается, и весь 19-й век наполнен этим движением. Швейцария, Германия, Италия, Сербия, Болгария и т. д. — это целый ряд возродившихся и об'единившихся наций, причем в постепенном историческом ходе событий понятие «нация» начинает определяться уже не как государственное образование, а как историческое или точнее, как биологически - культурное, как коллектив, имеющий в прошлом общее происхождение, общие исторические судьбы и стремящийся восстановить свое историческое существование, свое независимое бытие.

Другой зародыш Великой французской революции также не заглох окончательно. Раздавленное бабувистское движение получило продолжение в творениях социалистов-

утопистов и в разных формах дошло до творца научного социализма Карла Маркса.

Оба эти движения, национальное и трудовое, соединилось в труде сотрудника Маркса Моисея Гесса «Рим и Иерусалим». Соратник Маркса, его друг и единомышленник Моисей Гесс является одним из первых среди евреев провозвестников идеи возрождения еврейского народа в родной его стране на основе труда. Старое полумистическое движение (Луццато и др.) получило конкретное содержание.

Знаменательно соединение в одном человеке двух основных идей века, трудовой и национальной; символично это соединение постольку, поскольку возрождение еврейского народа значительно отличается от всех наблюдавшихся до сего времени случаев возрождения других народов. Еврейский народ оторван от родной территории, оторван от земли, распылены. Его необходимо возродить не только политически, а на трудовом принципе, необходимо этой большой культурной силе, блуждающей по земле, не могущей забыть своего прошлого, дать, как Архимеду, точку опоры для приложения этой силы, необходимо не только земле возвратить политически свободный народ, но прежде всего рассееному народу возвратить его землю.

Так стала вырисовываться идея о возрождении в числе многих и еврейского народа,

и понемногу идея эта начинает привлекать сторонников как в Европейском, так и в Еврейском мире.

Джорж Элиот, Анри Дюнан, сер Олифант и др. отдают этому делу много труда и чувства. Само «мертвое поле» с разбросанными по нему сухими костями начинает оживать. На нем чувствуется пока только тихий шорох, только слабое дуновение Божьего духа, сами кости еще лежат неподвижно, но даже и постороннему глазу становится ясно, что эта тишина будет продолжаться недолго, что оне начнут скоро одеваться плотью, наливаться живой кровью и пред лицом изумленного мира встанет живой, вернее оживающий организм, стремящийся к самостоятельной трудовой жизни. Начинается сначала слабое, но все более и более крепнущее сионисткое движение, призванное приобщить древнюю нацию к труду, вдохнуть в нее новую жизнь и дать миру обновленную и об'единенную силу и нового соратника на поприще стремления к общечеловеческому счастью.

Но может ли Еврейский народ возродиться, достаточно ли в нем жизненных сил, чтобы перейти к новой жизни, трудовой, производительной?

Когда говорят о Еврейском народе, что он почти целиком состоит из торговцев, то это, конечно, ни на чем не основанное преуве-

личение. Значительный процент*) (в России до войны — 35%) народа занимается производительным ремесленным трудом, отчасти фабричным и тяжелой черной работой, но в трудовой структуре еврейского народа замечаются крупные дефекты с точки зрения возможности формирования из него самостоятельного независимого хозяйственного организма. Главный дефект — это незначительный процент земледельцев (в России до войны — 3,55%, среди русского народа 73 проц., среди армян, живущих в России — 70%). Ремесленник, интеллигентный работник и другие подобного рода труженники — все это необходимые элементы хозяйственного организма, без которых таковой существовать не может, но все это — элементы служебные, вспомогательные. Основу, фундамент организма составляет земледелец. Земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, кто поливает ее своим потом. Значит, если говорят о возможности перехода евреев к самостоятельной производительной жизни, то под этим разумеется возможность для еврейских масс перехода от городской жизни к деревенской, земледельческой.

---

*) По переписи 1897 г. среди русскаго еврейства землед.—3,55%, ремесл. и пром. рабочих—35,43%, занятых в транспорте—3,98%, прислуги и поденных рабочих— 2,16%, свободн. проф.—5,22%, торговля—38,65%, военно-служащих—1,07%, неопределенных занятий—5,49%.

Этот вопрос — наиболее трудно разрешимый, ибо ясно, что его можно разрешить только на основании опыта.

Теоретически он не разрешим, а практически он имеет еще мало данных для разрешения.

На протяжении 19-го века мы наблюдали колоссальный рост городов, и города черпали свой человеческий материал из деревни, наблюдалась огромная тяга из деревни в город, а не наоборот, но весь вопрос состоит в том, естественна ли эта тяга, лежит ли она в самой природе вещей, или же она есть результат специфического экономического развития европейского мира в 19-м веке, плод громадного роста капиталистического производства, огромного спроса на рабочие руки, а с прекращением или изменением этого спроса тяга эта прекратится или даже примет обратное направление. Тому же бегству из деревни содействовало и наблюдавшееся на протяжении всего века стремление всех европейских государств к расширению своего производства, поощрение капиталистических предприятий и если не везде наблюдалось подавление земледельца, то во всяком случае отношение к нему было не достаточно любовное, не достаточно бережное.

Вне опыта вопрос о будущем соотношении между городом и деревней решить трудно, хотя с некоторой степенью вероятности

можно предположить, что тяга из деревни в город в значительной степени искусственна и противоестественна.

Жизнь на земле, в деревне, если бы там можно было создать обстановку, необходимую для современного культурного человека, значительно привлекательнее, легче и многостороннее, чем жизнь в городе, в стенах разрушающей организм фабрики или ремесленной мастерской. Опыт мировой войны показал, что жизнь в деревне значительно обезпеченнее. Разруха обездолила горожанина и пожалуй, даже обогатила крестьянина. Но это все теоретические рассуждения, для решения таких вопросов требуется во всяком случае широкий опыт.

Еще более упорные возражения встречает вопрос об обратном движении человеческих масс из города в деревню в отношении евреев, как жителей городов в течение веков, совершенно отвыкших от деревенской жизни, отставших от земли и от естественной жизни на земле. К счастью, в этом отношении у нас как раз имеются некоторые данные опыта, которые могут, если не окончательно разрешить вопрос, то во всяком случае дать ключ к его разрешению.

Уже в начале 19-го века русским правительством был произведен опыт колонизации евреев в южно - русских степях.

Надо принять во внимание, кто произво-

дил этот опыт и при каких условиях. Это было бездарное русское правительство, хищное русское чиновничество, при почти полном отсутствии законности в России, вообще, а в отношении к евреям, в особенности.

И, тем не менее, на юге России мы имеем значительную группу еврейских земледельческих колоний, не уступающих ни в чем другим поселениям этого рода.

Как то инстинктивно еврейский народ в 19-м веке шел к земле и во всех своих странствиях стремился оседать на земле. И в Сев. Америке, и в Бразилии и особенно в Аргентине он основывал земледельческие колонии. Об них, правда, нет достаточно точных сведений, но те отрывочные данные, которые проскальзывают о них в печати, не настолько безнадежны, чтобы можно было говорить о полной неудаче опыта. А ведь как тяжелы были условия опыта! Остается сказать об опыте, произведенном в Палестине.

Турецкий режим, весь построенный на бакшише, запрещение в'езда в страну, гнет местной администрации, как правительственной, так в течение долгого времени и бароновской, малярия, уносившая в первое время чуть не поголовно всех пионеров (колония Хедера, напр.), а между тем какие изумительные результаты! Песчаные пустыни превращены в цветущие сады (Рошон-лецион), малярийные гиблые места — в леса и плодоносные поля

(Хедера). А жизнь в колонии. Как резко она отличается от деревенской жизни тех стран (Россия, Румыния), откуда прибыли палестинские пионеры. Какая там живая культурная обстановка!

Таков опыт, правда, незначительный, но зато вполне ободряющий. Если исходить из него, то можно определенно сказать, что переход евреев на землю, переход из тесных городских мастерских, из затхлых подвалов больших городов на приволье полей, не только желателен, но и возможен, и не слишком труден.

Резюмирую: 1) Общее течение европейской мысли, в смысле освобождения и возрождения порабощенных наций, вполне благоприятствует евреям в их стремлении к возрождению своей нации. 2) Возникшее среди евреев, или вернее, ожившее никогда не потухавшее старое стремление к возрождению в условиях трудовой жизни вполне осуществимо. 3) Опыт колонизации евреев на земле дал достаточно благоприятные результаты, и теперь уже можно с уверенностью сказать, что переход евреев на землю хотя и труден, но вполне возможен.

IV

Начавшееся в последнюю четверть прошлого века движение евреев в древнюю родину, движение не религиозное, а трудовое, не является чем то внезапным, искусственным. Мы уже ви-

дели, что еще в середине прошлого века об этом заговорили в разных местах Европы и не только сами евреи, но даже и не евреи. Идея эта сама собою напрашивалась, в связи с общим течением европейской мысли в национальном вопросе.

Среди самих евреев мысль о возрождении народа не была нова. Ежедневно три раза еврей повторял молитву о восстановлении прежнего величия Сиона, о даровании своевременно дождя и росы Святой земле, о хорошем урожае в Святой земле и т. д.

Странным даже кажется ,что еврей Российской черты оседлости, бьющийся, как рыба об лед, из-за куска насущного хлеба, сжатый клещами российской полиции и задыхающийся в атмосфере ненависти и гнета, молится не о прекращении этого гнета, а уносится в своих молитвах в голубую даль своей старой родины, отрывается от реальной земли, видит голубое небо далекой родины, ея манящие дали, ея яркое солнце, ея виноградники, поля и луга. Как ведь мало это похоже на практичного еврея, того еврея, про которого общее мнение не только врагов, но и друзей говорит, что он слишком поглощен практикой жизни, делами, «гешефтами»!

А это все таки факт.

Требовался небольшой толчек, небольшой сдвиг мысли, чтобы эти романтические грезы превратились в живое представление, а это

представление, в умах молодого поколения, в живую двигающую силу.

Целый ряд писателей посвящает свои силы, так сказать, обмирщению идеи возрождения, приведению ея в общий уровень понятия века, низведению ея с небесных высей на землю, приспособлению к текущим нуждам масс. Смоленский, Пинскер, Лилиенблюм начинают свою работу среди наиболее национально настроенного российского еврейства, живущего сплоченными массами. Бедствия голуса, ставшие привычными, становятся более яркими в изображении бытописателей еврейской жизни.

Народ, забитый, замученный, тело которого истекает кровью от цепей голуса, в произведениях своих писателей увидел, как в зеркале, свои цепи, увидел и содрогнулся. Он смеялся над героями Менделе, Шалем - Алейхема, над исковерканной жизнью этих физически и духовно загубленных людей, но это был смех сквозь слезы. Ясно стало, что так дальше жить нельзя, что необходимо предпринять что либо для спасения народа.

Были, конечно, среди евреев и такие, которые по старой привычке все еще на что то надеялись, упрямо продолжали видет спасение в просвещении русского народа, который-де поймет, наконец, что безконечно держать целый народ в цепях, вечно мучить его, нельзя.

Эту группу неисправимых Дон-Кихотов, постаралось отрезвить русское правительство. Годы мрачной реакции в царствование Александра III, придворными льстецами названного Миротворцем, обрушились всей своей тяжестью в первую голову на евреев. Целый ряд диких еврейских погромов заставил содрогнуться даже самых упрямых ассимиляторов и глубоко задуматься — самых неисправимых оптимистов. Кровавая волна погромов — это была живая иллюстрация, яркая, бьющая по нервам, к литературным произведениям того времени.

В душах молодого поколения, восприимчивого, отзывчивого, самоотверженного, все эти события отозвались болезненно, но не привели его в отчаяние, а напротив вызвали страстное стремление к активной борьбе, к активной работе. Часть молодежи решила отомстить правительству за его варварские приемы и пошла в ряды русской революции, составив там отряд самых отчаянных борцов за русскую свободу, другая часть взялась за дело самопомощи, и началось движение билуйцев. Эта часть находила необходимым коренным образом изменить условия жизни еврейских масс, поставить эти массы на собственные ноги, создать такое положение, при котором еврейский народ не находился бы постоянно в зависимости от того или иного

отношения к нему окружающего мира, а сам даржал в руках свою судьбу.

Внутреннее сознание слабости, вечной зависимости от чужой воли, угнетало гордых юношей, их влекла сила, которая сама могла бы отстаивать себя и, если уж погибать, так по крайней мере за собственное дело. А для того, чтобы получить силу, нужно было, как Антею, приложиться к земле и оттуда почерпнуть ту силу, которую древний геройский еврейский народ растерял в своих странствиях по земле, без почвы, с странническим посохом в руках.

Молодежь, смелая, прямолинейная пошла строить новую жизнь в Палестину, пошла без долгих рассчетов и размышлений, сжегши за собою все корабли, а старшее поколение, как всегда, половинчатое, нерешительное, полупривычное уже к цепям голуса, все-таки также не устояло против течения и создало по образу и подобию своему полуромантическое, полуделовое חבת ציון, благотворительное в своей основе и безкровное, по существу.

Но лозунг был дан, знамя было поднято, знамя новой жизни, свободного труда, коренных перемен, резкого поворота, а знамя привлекает, война родит героев.

Немного прошло времени, и маленькая группа самоотверженных юношей, где-то в раскаленных песках далекой Іудеи производивших неудачные опыты по части земледе-

лия родила сотни и тысячи поклонников. Университетская еврейская молодежь в русских и иностранных университетах стала организовываться в кружки, стала изучать родную историю, язык, создалось движение קדימה и на волнах этого большого под'ема гордо поднялось солнце национального возрождения еврейского народа, появился вождь и организатор, сконцентрировавший в своей великой душе все горе и отчаяние настоящего, все чаяния и надежды будущего, — появился Теодор Герцль.

Движение сразу определилось. Дана была краткая формула безформенным воздыханиям, задушевным молитвам, романтическим стремлениям и горячим молодым порывам.

Организация и самодеятельность, труд и настойчивость, — «если хочешь — это не сказка».

И под знаменем настойчивого организованного стремления к новой трудовой жизни на родной земле еврейский народ вступает в XX-й век, вступает при большем под'еме молодого своего поколения, при симпатиях передовой части европейского общества, начинает большое трудное дело, настолько, может быть, трудное, что оно потребует массы жертв, будет в течение целого ряда поколений поглощать массу сил народных, но за то дело из-за которого стоит и потрудиться и пострадать.

V

Организация, самопомощь, труд, земля — таковы лозунги.

Самое главное, конечно, организация, вернее, первое, с чего нужно было начать. Создан конгресс, как мировая трибуна, как центр воли возрождающегося народа. Но тут-же обнаружились и препятствия, которые необходимо преодолеть, препятствия не только внешние, но и внутренние.

Когда поставлена великая задача, по своей трудности превосходящая все то, что когда либо предпринимал какой либо народ, необходимо сгладить все внутренния разногласия, а этих разногласий не мало: религиозные, классовые и территориальные.

Наша история знает эти разногласия в самые критические моменты жизни народа. Когда Матафия поднял знамя возстания, нашлись даже среди его приверженцев такие Божьи стряпчие, которые готовы были пожертвовать всем делом, во имя святости субботы, как они ее понимали. Войско хасмонеев было бы вырезано целиком, погибло бы его великое дело, если бы **священник** Матафия не сумел внушить своим соратникам, что не евреи для субботы, а суббота для евреев, а ведь Матафия был ревнитель веры не меньший, конечно, чем все современные нам раввины, вместе взятые. Территориальные разногласия,

разнородность евреев разных стран, все эти отдельные «патриотизмы» евреев - граждан разных стран, этих „plus papistes, que le Pape même“ поведут, конечно, к отпадению части еврейского народа от предстоящей этому народу исторической задачи, даже от еврейского народа вообще. Что-же? Еврейскому народу не привыкать стать к подобного рода явлениям. Из его среды выделялись не раз отдельные его члены, которые не только уходили от него, но и переходили в лагерь его врагов и гонителей, и тем не менее не убили же они, эти ренегаты, этого вечного народа. Они отравляли ему жизнь, они теперь сделают его задачу еще более трудной, но им не удастся убить волю народную, волю к жизни, как это им не удалось до сих пор.

Они останутся в своих «отечествах», никто их не гонит в оживший еврейский народ, а народ будет делать свое дело и без них или даже вопреки им.

Гораздо страшнее — противоречия классовые. Нет сомнения, что трудную задачу возвращения еврейского народа к трудовой жизни вынесет на своих плечах трудовая часть народа. И необходимо, чтобы еврейская буржуазия не только не мешала этому, но и содействовала. Возможно ли это при современном обострении классовых противоречий? Возможно ли это особенно среди еврейской буржуазии, по самому своему положению вы-

нужденной приспособляться ко всему окружающему и менее всего к своему народу? Трудно, конечно, гадать, но до сих пор мы наблюдали, правда, единичные, но ободряющие примеры. Барон Ротшильд, барон Гирш, Натан Штраус и др. — их, правда, немного, но они все таки есть. Безкорыстие, столь редкое среди буржуазных слоев, тут несомненное.

Но главное, конечно, не помощь богачей, а самопомощь народная. Еще великий пророк и создатель еврейской нации Моисей указал нам пример отношения к разным слоям народа, когда поставлена великая национальная задача. Не к Кораху, Дафану и Авираму и им подобным, не к тогдашним представителям еврейской буржуазии обратился он, а ко всему народу. Корах, может быть, сразу дал бы миллион, если бы Моисей хотел бы к нему подойти, но он предпочел народный шекель Кораховскому миллиону. И сделано было большое общенародное дело средствами всего народа, и сделано было так прочно и основательно, что до сих пор дело рук великого пророка не исчезло и не исчезнет никогда.

Земля. Это несомненно основной пункт, основная задача еврейского народа. Не может народ жить без земли, как рыба без воды, как птица без воздуха. Мы много стран проходили в своих странствиях, но мы везде чужие. Мы, конечно, не хуже других народов, не хуже, конечно, армян, татар, калмыков,

бурят, но отношение к нам хуже, а хуже оно потому, что мы, безземельные, что мы не сидим прочно на земле, не приросли к почве, что мы везде гости, а к долго засидевшемуся гостю, да если он еще имеет дерзость оставаться самим собою, известно как хозяева относятся.

Земля. Где найти тот уголок под солнцем, где мы бы могли наконец осесть, расправить свои усталые от дороги члены и приступить к планомерному труду?

Совершенно свободных территорий для поселения целого народа не существует на земном шаре.

Наиболее близкою для поселения евреев была бы Россия, где жило большинство еврейского народа (до Европейской войны), но она то никоим образом не может служить местом расселения евреев на земле. Земельная теснота — один из самых жгучих вопросов российской действительности. Уже это одно не дает возможности евреям выйти за пределы городов и местечек.

Характерно, что во время разлившейся по западной окраине Российской республики в 1919-1920 г. г. широкой волне бандитизма, когда вырезывались целиком еврейские местечки и селения, бандиты почти, как правило, не трогали ремесленников (кузнецов, сапожников, портных) — евреев, зато безпощадно истребляли евреев - земледельцев. Помимо вся-

ких других причин бандитизма, значит, земля была причиной истребления многих тысяч евреев на западной окраине России.

Если не в России, значит, нужно просто искать страну, как делают наши территориалисты, и как в свое время делал покойный барон Гирш. О национальном возрождении народа он, конечно, не думал, а о возвращении народа к земле он думал и стал искать. Аргентина, Бразилия, Канада и т. д. — все было возможно. Климатические условия, дальность расстояния, характер народа, в который вкрапливались еврейские поселения, и др. условия — все было приемлемо, лишь бы добыть землю.

Еврейский народ нуждается в земле, но он ведь все таки не лабораторная лягушка, над которой можно проделывать какие угодно опыты.

Сибирские тундры, подтропическая Уганда, безводный Эль - Ариш и т. д. — разве можно допустить, чтобы народ, которому и без того предстоят неимоверные трудности при переходе на землю, был насильственно подвергаем совершенно ненужным мучениям в таких странах, где и привычные европейские колонисты не выдерживают?

Остается, значит, Палестина, на которую еврейский народ имеет неоспоримые исторические права, климат которой в общем очень благоприятен, и отдаленность от крупнейших

центров еврейской диаспоры не значительна.

Конечно, Палестина, как и все страны мира, заселена (слабо), конечно местное население не будет особенно радо пришельцам, но это неизбежно. Когда евреи впервые занимали Палестину, она тоже не была свободна от населения.

Теперь страна заселена слабо (20-25 чел. на кв. кил.) и далеко не исчерпаны все культурные возможности этой когда то богатой страны. Если в этой стране применить все современные технические средства, она не только может прокормить большое население, как это было в древности, но и сделаться житницей других стран (считая, конечно, в составе Палестины и Заиорданье).

Мировая война доказала, что человечество отнюдь не так богато предметами питания, как это казалось до войны, и теперь едва ли кому придет в голову утверждать, что можно так расточительно оставлять громадные площади необработанными, в то время, когда есть достаточный человеческий материал для приведения бывших турецких пустынь в цветущее состояние.

Помимо тех мотивов заинтересованности культурных народов Европы и Америки в возрождении еврейского народа на его родной земле, на которые указывали Пинскер, Герцль и др., — национальной справедливости и избавления себя от язвы антисемитизма — при-

бавилось теперь после войны еще одно весьма существенное основание, — завоевание огромных областей для человеческой культуры.

И сама Палестина (к западу от Иордана), слабо заселенная и еще слабее использованная, а особенно почти совершенно незаселенные богатейшие заиорданские степи ждут своего культурного пахаря, вооруженного всеми средствами современной техники, для своего оживления.

«И никто этого не сделает лучше и успешнее, чем возрождающийся народ еврейский», говорит Аугаген. Народ этот вооружен европейской культурой, имеет в своей среде достаточное количество специалистов, достаточно энергичен, предприимчив и подвижен, чтобы превратить эти благословенные природой пустыни в цветущий сад. На это потребуется, конечно, десятки, может быть, даже сотни лет, но это в интересах еврейского народа и в интересах всего культурного человечества должно быть сделано.

Начальный период — конечно, самый тяжелый. Будут жертвы. Но где же в истории передвижение народа обходилось без жертв?

Не забираясь вглубь истории, не говоря о том, сколько тяжелых жертв еврейскому народу пришлось понести при первоначальном заселении земли Ханаанской, мы в нашей новейшей истории понесли не мало жертв при достижении менее важных целей. Сколько де-

сятков тысяч евреев погибло при расселении евреев хотя бы в Белоруссии (казацкие восстания, походы Алексея Михайловича, шведские войны и т. д. — см. Гессен. История евреев в России), а ведь чего мы там достигли?

Достаточно в Палестине накопиться миллионному еврейскому населению, а может быть и меньшему, как дальнейшая колонизация, пойдет и проще, и легче. Пример — американская еврейская иммиграция. Сколько средств требовала эта эмиграция европейских евреев, сколько жертвъ человеческими жизнями принесено, сколько горя людского, сколько бедствий перенесено! А теперь американское еврейство стоит чуть ли не во главе всех еврейских предприятий общенационального характера.

Сеют со слезами, зато жнут с песнями!

VI

Мировая война, внесшая так много изменений в отношения людей и народов, внесла много нового и в судьбу Еврейского народа.

Одним из оффициальных мотивов мировой войны было освобождение малых народностей. Несомненно, что этот мотив был одним из звеньев той великой лжи, которая сплелась вокруг мировой войны, свидетелями и участниками которой мы являемся. А все-таки чрезвычайно характерно появление этого мотива даже в дипломатическом обраще-

нии. Даже русское правительство времени начала войны, наиболее жестокое из всех участников войны именно по отношению к малым народностям, под гнетом которого стонали евреи, поляки, армяне, башкиры и мн. др. малые народности, даже русское правительство считало нужным говорить о свободе, об освобождении малых народностей.

Это доказывает, что лозунг этот носился в воздухе, насытил его собою, что это детище 19-го века достаточно окрепло и вполне усвоено широкими массами.

«Свобода человека и гражданина» выращивалась в недрах человечества в течение 17-го и 18-го веков, родилась на свет на исходе 18-го века и окрепла в шуме наполеоновских войн и революций начала 19-го века. И эта свобода с неизбежной логической последовательностью повлекла за собой свободу национальностей, как индивидуумов коллективных, многоголовых, но единых, если подходить к вопросу с общечеловеческой меркой.

Дипломаты воспользовались этим популярным лозунгом для своих целей и таким образом, может быть, вопреки воле многих дипломатов, вопрос об освобождении малых народностей получил доступ в их канцеляріи.

С другой стороны, и пролетариат, не мало вероятно повинный в самом возникновении этой ужасной бойни, также выкинул лозунги

самоопределния народов, как результат мирового катаклизма.

Все пострадали, — все должны быть вознаграждены. В устах пролетариата лозунг об освобождении малых народностей несомненно гораздо более искренен. Класс, стремящийся к самоосвобождению, естественно не может не сочувствовать освобождению других от гнета, в какой - бы форме этот гнет не выражался.

Все эти идейные течения создали чрезвычайно благоприятную кон'юнктуру для национального вопроса вообще и для еврейского национального вопроса в частности.

И действительно, мы видим, что к моменту ликвидации мировой войны, вопрос о еврейской национальной эмансипации становится предметом серьезного обсуждения как в Лиге Наций с одной стороны, так и в общеевропейском пролетарском ареопаге с другой, и тут и там решается въ благоприятном для еврейского народа смысле. Но где - же носители этих вновь приобретенных прав? Нельзя-же себе представить носителем национальных прав людей разбросанных от Патагонии до Камчатки и от Исландин до Индии. Необходимо сосредоточение если не всего народа, то его части, национально зрелой, имеющей волю к самостоятельной национальной жизни. Но если сосредоточение, то снова выплывает тот - же злосчастный вопрос: «где?».

Есть чрезвычайно трогательная картина (не помню ее автора). На ней изображен старик с изборожденным морщинами страдальческим лицом, согбенный, с котомкой за плечами и старческим посохом в руках. Название этой картины: «Vohin?».

Нетрудно догадаться, кто изображен на этой картине. Это все тот - же вечный жид, не находящий себе покоя среди народов, куда его забросила злая воля мирового разбойника — римского народа. С точки зрения мировой правды не может, конечно, быть вопроса, куда должен быть направлен этот нетеряющий надежды на возрождение двухтысячелетний странник. Ни один народ в мире, в том числе и арабский, не может пред'явить столь - же основательных прав на Палестину, как народ еврейский. Там он родился, там он творил, там боролся, и нет ни одной пяди на этой Святой земле, которая - бы не была не только орошена его потом, но в буквальном смысле слова пропитана его кровью.

Народ никогда не отказывался от своей родины, он всегда ее считал своей.

Но... там теперь живут арабы, правда, горсть арабов, отнюдь не заполняющих страну, И вот в среде части еврейского пролетариата, главным образом, российского, мечтающей о национальном самоубийстве, ставится вопрос, довольно странный съ точки зрения здравого смысла: не является - ли колониза-

ция евреями Палестины покушением на права арабов, не подавляется - ли этимъ право арабов на самоопределение, нет - ли тут аннексии. Не стоило - бы, может быть, и заниматься этим вопросом, если бы не исключительные условия данного момента в пределах Российской республики. Все уста закрыты, правом говорить пользуется только известная группа евреев, а при общем вынужденном молчании голос этой группы может быть принят за голос русско - еврейского пролетариата вообще.

Не нужно, конечно, много ума, чтобы понять, что возвращение в свою родную землю нельзя подвести под понятие аннексии, которое разумеет насильственное отторжение **чужой** земли **чужим** народом. Притом - же иммиграция — не аннексия. Нельзя - же, например, серьезно говорить об «аннексии» С. А. Соединенных Штатов евреями, итальянцами или ирландцами только потому, что, гонимые судьбой из мест своего жительства, они направляются в новую страну и занимают там конечно, известное место. Права арабов? Да разве евреи могут хоть на минуту подумать о покушении на права арабов? Разве евреи даже в отдаленном будущем позволят себе хоть сколько - нибудь нарушить право жителя своей страны, кто - бы он ни был, не только коренной житель — араб, но даже пришелец? Разве можно о таких

вещах серьезно говорить? В партийной запальчивости много конечно, говорится абсурдов, но все - таки должен - же быть предел и партийному азарту.

Надо впрочем с удовлетворением констатировать, что из представителей пролетариата 3-го Интернационала никто не говорит об «аннексии» евреями Палестины (даже сам Ленин весьма доброжелательно относился к движению евреев в Палестину), кроме коммунистов - евреев. Усердствующий раб всегда и во всем старается превзойти барина.

VII.

Как плод национально - освободительного движения 19-го века, прошедшего через горнило мировой войны, родилась так называемая Бальфуровская декларация, — один из крупнейших этапов в еврейском вопросе в мировом масштабе — по мнению одних, звонкая фраза и дипломатический блеф — по мнению других.

За время мировой войны много было звонких манифестов, не имеющих никакого реального содержания. Начать хотя - бы с знаменитого манифеста Верховного Главнокомандующего русской армии полякам в начале войны. Зная русское правительство, его отношение к национальному вопросу вообще, к польскому в частности, можно было сразу

определить, какова цена этому громкому манифесту. Единственный смысл и фактически единственный результат этого манифеста — это еврейские погромы и наветы на евреев со стороны поляков.

Каково - же реальное содержание Бальфуровской декларации?

Она была издана 2 ноября 1917 года, в тот момент, когда победа английского оружия на востоке была совершенно ясна и при том было ясно, что в смысле военном для английского оружия помощь евреев была сравнительно мало важна; может быть, гораздо важнее была для англичан помощь арабов. И тем не менее была издана декларация, которая едва - ли могла нравиться местным палестинским, да и соседним арабам. Значит, заинтересованность английского правительства, по крайней мере, с точки зрения текущего военного момента, затормозить невозможно. Но, говорят другие, английское правительство заинтересовано в создании на берегах Суэцкого канала крепкого преданного ему ядра, культурного населения, которое ему во веки будет благодарно за помощь в достижении своего национального идеала. Возможно, и, если это так, этому только можно радоваться. Еврейский народ, который во все время своего двухтысячелетнего странствования по земле был об'ектом презрения и ненависти со стороны окружающих его народов, а на востоке

Европы об'ектом погромов в интересах поддержания варварского трона, еврейский народ начинает в дипломатических кабинетах расцениваться, как сила, хотя - бы в отдаленном будущем, — что - же, это совсем не так плохо. Это значит, что люди, знающие толк в реальной политике, начинают верит в возможность нашего возрождения, в возможность формирования из распыленного, рассеенного по земле вечного жида — цельного, крепкого организма, могущего в будущем играть роль даже более или менее ценного союзника. Это для нас весьма ободряющие предсказания.

Мы сами плохо верим в свои силы; сами наши соплеменники и справа и слева изо всех сил стараются убедить нас — один в том, что наш народ годится только для какой - то миссии, что он призван играть роль какого-то мирового псаломщика в неслушающей его при том пастве, другие, — что он годится только как придаток к местной коренной настоящей силе. И та, и другая роль нам не сулит ничего хорошего в будущем.

Первая, роль миссионеров в не нуждающемся в нашей миссии мире, смешна и эфемерна, вторая, — роль революционных дрожжей, по выражению Каутского, в борющемся мировом пролетариате, — тоже своего рода миссия, в которой пролетариат достаточно крепкий очень мало нуждается, не менее

смешна и бесплодна. Выход, притом совершенно неизбежный, — переход к самостоятельному цельному труду, создание собственного трудового пролетариата с настоящими мозолистыми руками, который будет бок о бок с пролетариатом всех стран бороться за собственное и в то же время общечеловеческое счастье.

И мне думается, что в декларации Бальфура, если ее рассматривать, не как случайный каприз случайного английского министра, а как результат логического развития идеи века, сказалось стремление европейского мира покончить с достаточно всем надоевшим вопросом. Не проблематичные дипломатические рассчеты, не искание союзников руководило английским правительством в его действиях по отношению к еврейскому народу, а желание помочь начинающему возрождаться народу в его стремлениях к лучшей жизни.

И дело теперь за нами.

Бальфуровскую декларацию отнюдь нельзя рассматривать, как обязательство Европы вечно няньчиться с нами, как обязательство со стороны лепить из нас народ. У Европы и своего дела досточно, ей некогда, и незачем няньчиться с нами, да и мы то ведь не беспомощные дети. Декларацию надо рассматривать, как выражение общественного мнения Европы, что тот путь, которым шли распыленные евреи до сего времени, не годится, что

еврейство может и должно жить, как народ, и что иначе оно жить не может, далее, что в этом стремлении к новой жизни Европа нам будет помогать.

Европейская дипломатия нам нередко помогала в наших бедствиях, то в Марокко, то в Дамаске, то в Персии, то в России, помогала бескорыстно и иногда весьма существенно. Та - же дипломатия пришла теперь к заключению, что такая помощь есть вечное толчение воды в ступе, не ведет к прочной цели, что эта бесконечная трата сил не окупается результатами, что эта Сизифова работа — не дело, что Гордиев узел надо рассечь, а не безконечно развязывать. Вот в чем, мне думается, надо искать истинный исторический смысл Бальфуровской декларации. И если это так, то декларацию надо толковать не как вексель Европы по отношению к еврейскому народу **создать** из него цельный здоровый организм, не нуждающийся в постоянной посторонней помощи, а как обязательство, возложенное на еврейский народ перейти к самостоятельной трудовой жизни с обещанием благожелательного содействия. Все дело теперь, — следовательно, за нами. Весь вопрос, значит, сводится к тому, сумеем - ли мы выполнить наше народное дело, все сводится к самоорганизации, к самопомощи. Мы приходим к тому - же знамени, которое выкинуто сионистским движением, мы приходим к аутоэмансипации.

VIII.

События в Палестине за послeние годы создали в некоторой части еврейского народа настроение неблагоприятное для интенсивной работы. Затруднения, которые ставятся на пути стремящихся в Палестину, затруднения, которые истощают наши лучшие силы, силы наших «халуцим», цвет нашего народа, отсутствие каких - либо шагов к облегчению выезда из стран эмиграции, главным образом, из России, наконец печальные события в Иерусалиме и Яффе, которые во многом напоминают русские царские погромы, — все это вместе взятое значительно понижает то приподнятое настроение, которое охватило евреев всех стран в дни Бальфуровской декларации и Сен - Ремо.

Что это, спрашивают себя многие, действия - ли негодного «псаря» при блаженном неведении благожелательного и попечительного «царя», или же самый ореол, окружающий попечительного царя, есть мираж, созданный расстроенным воображением мечущегося в своем безвыходном положении еврейского народа? Вопрос грустный тем более, что он возникает в начале большой работы, когда энтузиазм, охвативший особенно наше молодое поколение, мог - бы горы двигать.

Разберемся в этом вопросе по возможности спокойно,

Что английское правительство не русское царское и не деникинское, у которых еврейские погромы входили в систему управления, у которых лозунг «Бей жидов — спасай Россию» составлял один из основных государственных устоев, — это, конечно, не подлежит сомнению. Что Ллойд - Джордж — не Витте, а Бальфур — не Плеве, в этом, конечно, никто не сомневается. Но с другой стороны, мы в отношении погромов народ ученый, эту школу мы прошли до конца и отлично знаем, что погромов не бывает там, где правительство этого не хочет, что во всяком погроме виновно прежде всего и главнее всего правительство и черносотенные элементы, если они стоят близко к правительству. Следовательно, вопрос нужно поставить так: стоят - ли местные чероносотенные элементы — эффенди, шейхи и духовенство — близко к местному правительству, если да, то почему именно и долговечна - ли такая близость?

По описаниям погромов, проникшим в Россию, выходит, как будто это именно так и есть, как будто местное правительство слишком прислушивается к голосу местных эффенди и пашей, а эти последние внушили этому правительству страх перед еврейскими иммигрантами, как носителями большевизма. А большевизм — ведь теперь всемирный жупел, его боится не только местное палестинское правительство, но и высшее общегосударственное.

Трудно сказать, насколько верны проникающие в Россию сведения, но похоже на то, что они недалеки от истины. Этим об'ясняется и то странное на первый взгляд явление, что не только не исполняется обещание помогать нашей иммиграции в страну, но напротив, ставятся всякие препяствия на пути этой иммиграции, наши халуцим долгими месяцами задерживаются во всех портах, бедствуют неимоверно и никак не могут добиться разрешения в'езда в свой «Национальный дом».

Палестинские эффенди имеют, конечно, все основания опасаться еврейской иммиграции. Евреи во всяком случае несут в страну струю демократическую, освободительную; они хоть и не большевики, но, конечно, уж не черносотенцы, не крепостники, а с другой стороны еврейские рабочие элементы эксплуатировать также надежды мало. А дурной пример заразителен. Беспощадному угнетателю феллаха, высасыванию из него последних соков, как это было при печальной памяти турецком режиме, приходит конец. Это инстинктивно чувствуют г. г. эффенди. И вот создается контакт между местной черной сотней и местным правительством, контакт для нас в высшей степени неблагоприятный и даже опасный.

Правительство ищет «опору» в «надежных» элементах местной владельческой знати,

набирает из них своих агентов, а уж эти последние действуют по известному нам, очень близко нам знакомому рецепту, а масса арабская, как всякая темная масса, не ведает, что творит.

Долговечно - ли такое положение и нужно-ли нам сложить оружие? Едва - ли. «Всякое бывало» в нашей многотысячелетней истории; чего мы не видали на своем долгом веку?

После возвращения из Вавилонского плена на возвращающихся евреев также сыпались доносы центральному правительству. И в сепаратизме их обвиняли, и в противоправительственных действиях и еще, может быть, в других смертных грехах. И доносы действовали. Камбиз приказал приостановить постройку храма. Что - же сделали евреи?

Евреи продолжали прибывать в страну. Камбизы ведь не вечны. Пришел Дарий и разрешил продолжать постройку. Даже Самаритяне с их пашами Санбалогтом и амонитянином Товием устроили погром, разрушили Иерусалимы, конечно не без благословения местного персидского правительства. Что -же делали евреи?

Пришел Неемия, который научил евреев упорно заселять город, а при постройке храма в одной руке держать орудие постройки, а в другой — орудие защиты.

Мы теперь строим не храм, мы призваны строить свою трудовую национальную жизнь.

Нам необходимо вооружиться терпением,

а его у нас вероятно, хватит, одной рукой держаться крепко за плуг, другой — за винтовку и нож для отражения погромщиков, — и победа рано или поздно останется за нами.

Не местное правительство, ни черная сотня не вечны, а еврейский народ вечен!

Не мало конечно, прольется невинной еврейской крови, по милости Палестинского Правительства, но мало - ли ее пролито, по милости всяких Правительств, бесцельно, бессмысленно, на полях Польши, Украины, Белоруссии и др., пролито позорно, безответно. Если сильные мира сего временно склоняются к навету на нас в большевизме, то мы, надо надеяться, сумеем доказать, что мы в страну идем не агитировать, а жить и работать, строить свою жизнь на новых началах, на началах труда и свободы, а не на гнилых началах подхалимства и самоуничтожения.

IX.

Как будто близится возможность перебраться через границу. Российскую часть своих записок я бы хотел закончить несколькими характерными параллелями из жизни.

В 1908 году я в Песах - Тыкве увидел картинку, которая меня поразила. Зашел в Талмуд - Тору и увидел настоящего литовского местечкового меламеда, который на жаргоне об'яснял Библию своим истощенным ученикам. Сам меламед — оборванный, несчастный. Картинка типичная для черты еврейской осед-

лости в России и это в еврейской колонии в родной нашей стране. Из расспросов узнаю, что Иерусалимские ортодоксы, они - же крупные дельцы халуки, поддерживают святой жаргон в стране и даже при посредстве раввинов наложили «херем» на учительский персонал колониальной школы, где преподавание ведется на «иврит». Херем, правда, мало мешает обновлению школы, но борьба тем не менее характерна.

В 1917 году, во времена Керенского, в одном из городов внутренней России происходит собрание, посвященное вопросу о языке преподавания в еврейской школе. Сионисты, исходя из точки зрения единства еврейского народа, необходимости обновления еврейской жизни вообще и школы в частности, а также необходимости подготовки уже здесь в голусе кадров людей, способных отстаивать себя и свой народ, защищают преподавание на «иврит». Левые, с Бундом во главе, доказывают, что еврейского народа нет, а следовательно, нет и еврейского национального языка, что есть только еврейский рабочий в Польше, Литве и России, а этому рабочему еврейского языка не нужно, а нужен жаргон, на котором он говорит.

Крайности сходятся! Иерусалимский халуканкий делец и литовский местечковый бундист подают друг другу руку.

На Пасхе 1920 года в Иерусалиме происходят беспорядки. Арабы во время праздника

Неби - Муса нападают на евреев, и между евреями есть жертвы.

В русских газетах, руководимых евреями коммунистами, печатаются пространные телеграммы, посвященные «палестинским погромам», причем некоторые слишком усердные коммунисты евреи утверждают, что погромы устраиваются палестинскими евреями—буржуа против тамошних евреев - коммунистов. Та - же история повторяется и после майских безпорядков в Яффе.

Осенью 1921 года брожу по окраинам города Минска в субботу с целью понаблюдать еврейскую жизнь. Захожу в синагогу. На «биме» читает проповедь «магид». Тема проповеди — невозможность жить без Божией помощи и необходимость воспитывать подростающее поколение в духе религии и страхе Божьем. Синагога полна народу. В первых рядах сидят, конечно, люди Мизраха, кругленькие, сытенькие «нэпманы». «Вот», говорит магид, «прошлою весной в Яффе произошел ужасный еврейский погром, убито и ранено много евреев, имущество их разграблено. Это, восклицает он патетически, гнев Божий за то, что некоторая часть евреев захотела сама строить свою жизнь, захотела, не дожидаясь Мессии — Божьего посланника, сама взять Палестину».

И слева и справа палестинские события используются в партийных целях. Крайности сходятся!

В Ростове во время царствования генерала Деникина существовала так называемая еврейская политическая коллегия. Задача коллегии была отстаивать интересы евреев перед Деникинским правительством. Состояла коллегия из представителей Ростовской еврейской общины, нескольких представителей сионистского Мерказа, находившегося в Ростове и делегатов из Харькова и Екатеринослава. Все члены сплошь буржуа, представителей рабочих — ни одного. На одном из заседаний этой коллегии приехавшей из Киева д-р Ляндер читал доклад о погромах на всем протяжении Деникинской территории. Докладчик рассказывает об ужасах Фастова, Белой Церкви и других городов и местечек Киевской губ. Волыни и Подолии, рассказывает, как евреи там сгонялись массами, обливались керосином и сжигались живыми, как люди нагие бродят в зимние морозы по лесам, спасаясь от своих мучителей, как на Екатеринославской дороге евреев в вагонах раздевают до нага и на ходу поезда выбрасывают из вагонов, как насилуют жен на глазах мужей, как убивают детей на глазах матерей. Волос дыбом становится при одном рассказе об этих зверствах.

Что делать? Ходатайствовать, хлопотать, просить, но все сознают, что это бесцельно, бессмысленно же жаловаться зверям на действия им подобных. Вносится предложение послать все материалы в Европу в еврейскую делегацию при Лиге Наций, аппелировать к

совести народов и правительств, поддерживающих Деникина, крикнуть на весь мир. «Ведь есть еще люди на земле», доказывают авторы предложения, «не все - же озверели». «Нет этого делать нельзя, это значит лить воду на мельницу большевиков, помогать им», заявляет один из членов коллегии. Ему возражают из עיר ההרגה. Можно - ли думать о политических комбинациях, когда сотни тысяч евреев погибают так позорно, когда кровь еврейская льется реками. Какие - же тут могут быть политические расчеты?

В Гомельской губернии бандиты вырезывают целое еврейское местечко. Спасшиеся чудом несколько евреев бегут в Гомель и обращаются к члену коллегии Чека — еврею с просьбой дать военную помощь местечку и разрешить местным евреям вооружиться. «А русские пострадали при налете бандитов?» спрашивает чекист - еврей. «Ни один русский», следует ответ. Тогда ничего сделать не могу», отвечает чекист (из рассказа одного из спасшихся учителя Д-аго). Те - же политические комбинации только с другого конца!

Таковы жизненные факты. Что -же связывает воедино всех этих разновидных членов еврейского народа, ортодоксов, буржуа, бундистов, коммунистов?

В одних случаях несомненную роль играют личные интересы. Иерусалимский халуканец и ростовский член политической коллегии внемлют, конечно гласу своего кармана.

Предсмертный стон убиваемых, крики детей заглушаются у них звоном презренного металла. Вечная борьба за существование ,тяжелая безпрерывная борьба с одной стороны, а с другой — вечное мучительство евреев, сделавшееся как - бы бытовым явлением, выработали безразличие к общим интересам. Но тот - же голус выработал и рабскую психологию. Интересы еврейского народа — ничто, надо всегда считаться с тем, что скажет «барин», какой отклик то или другое действие наше найдет в окружающей среде. Самые естественные движения души, крик ужаса застревает в горле, когда вспомним, что нас окружает безучастие, а мы сами бессильны.

Что делать с этими русскими чувствами, с этой привитой нам веками рабской психологией?

В будущем, при самостотельной экономической жизни, при независимой цельной работе эта психология несомненно исчезнет, но ведь не все евреи могут переселиться в Павестину. Как вдохнуть душу живу в остающиеся в голусе еврейские массы? А это ведь необходимо, потому что еще очень долгое время из еврейских масс голуса будут вербоваться палестинские поселенцы. Моисей держал освобожденных им египетских рабов сорок лет в пустыне, пока не вымерло рабское поколение, а с ним вместе не исчезла рабская психология, и не выросло новое поколение,

М

свободное, вольное. Теперь это невозможно, а без здорового национального ядра в голусе образование здорового еврейского центра в Палестине невозможно. Еще очень долгое время не Палестина будет влиять на еврейскую голусную периферию, а наоборот, она должна черпать из нея и человеческий материал и духовную энергию. Следовательно, воспитание еврейских народных масс здесь в голусе, главным образом, подростающего поколения, составляет основную задачу момента, а для возможности проведения в жизнь этого воспитания необходим известный политический простор, политически - национальная свобода действий. Этой - то части нашей национальной работы и соответствует вторая часть Бальфуровской декларации (по отношению к евреям) и требование Лиги Наций о правах национальных меньшинств. И борьба не только за политические права, но и за национальные — одна из необходимейших задач возрождающегося еврейского народа.

Необходимо создать крупный трудовой еврейский центр в Палестине, необходимо также создать здоровую еврейскую периферию, национальную, стойкую, вдохнуть в нее сознание собственного достоинства, как личного, так и национального.

Только тогда исчезнет раздвоенность еврейской души, исчезнет еврей — раб и воскреснет еврей — человек.

Минск. Сентябрь 1921.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
J. POVOLOZKY & C[ie], 13, RUE BONAPARTE, PARIS